

по долженству своего звания? Мнози цари тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокаго сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишше твоего звания, являеши нам в царе и простаго воина, и многодельнаго майстера, и многоименитаго делателя. И где бы довлело повелевати поданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предворяеш и утверждаеш» (С, 102—103). Это не традиционная похвальная формула, завершавшая проповедь на любую тему, но довольно развернутая и продуманная характеристика Петра. В этой же проповеди, где так тесно объединяется изъяснительное и совещательное красноречие, можно выделить фрагменты, представляющие собой блестящие образцы обличительного красноречия Феофана. Осуждая «сухие и непотребное многих роптание», он саркастически говорит о своих идейных противниках: «Обретаются тако упрямии и жестокосердии, яко и самой паче полудне светлой истины видети не хотят и, тшщася противу рожна прати, а не имуще ответа разумнаго, безразумным сим словцем отговаривают: „да однакож“» (С, 97).

Все три вида красноречия (совещательное, изъяснительное и обличительное) представлены в одном и том же «слове». При переходе от одного вида к другому соответственно менялся и стиль повествования, но это как раз не противоречило теории Прокоповича.<sup>28</sup>

Итак, Прокопович признает правомерность использования разных стилей в одном и том же произведении. При неразработанности системы прозаических жанров в русской литературе того времени эта относительная стилистическая свобода, допускавшаяся Прокоповичем, имела принципиальное значение.

«Слова» Прокоповича можно, конечно, подразделить на разные группы по их тематическому признаку (по-своему это и постарался сделать сам писатель в «Риторике»). Но условность такого деления уже обнаружили приводившиеся выше примеры. Смысловая и стилистическая многоплановость «слов» Прокоповича серьезно затрудняет их классификацию и вместе с тем расширяет возможности избранного им жанра и позволяет сближать проповеди Прокоповича с произведениями других жанров, причем не только прозаических, но и стихотворных.

Вопрос о судьбе жанра проповеди в русской литературе XVIII в. нельзя решать абстрактно, ограничиваясь признанием, что «проповедь мало-помалу утрачивает тот публицистический характер, какой был придан ей Феофаном».<sup>29</sup> Это утверждение вызывает возражения уже потому, что в царствование Елизаветы

<sup>28</sup> В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. Приложение 3, стр. 198.

<sup>29</sup> П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель, стр. 269.